

решительнее и казнил распятием короля их, по имени Божа, с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами, как пример для устрашения, чтобы трупы повешенных удвоили страх покоренных. . .

Но с такой свободой повелевал он [Винитарий] едва в течение одного года; этого положения не потерпел Баламбер, король Гуннов; . . . он повел войско на Винитария. Долго они бились; в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске Гуннов. Но в третьем сражении, когда оба противника приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем Готов»⁹.

Весьма краткое сообщение Иордана о склавенах, — а они были несколько более, чем анты, известны людям из Константинополя, с Балканского полуострова или из Италии, — сводится исключительно к определению границ занятой ими территории. Однако и это, казалось бы, четкое свидетельство о местах расселения крупного племени или объединения ряда родственных славянских племен, об их пределах с запада и с востока, до сих пор не может считаться бесспорно выясненным; оно продолжает оставаться неуточненным и даже как будто противоречивым. Если рассматривать это известие, сохраненное писателем, хорошо осведомленным о так называемом варварском мире своего времени, изолированно от других источников, — а так делали многие историки, — то ответ на вопрос о границах распространения склавендов оказывается случайным и непрочным, основанным на подборе подходящих объектов (здесь — озеро и город) или их названий. Однако и эта работа ряда ученых, которую нельзя не назвать предварительной, помогла в дальнейшем развитии вопроса, которое теперь должно идти по пути сопоставления скупого текста Иордана с другими текстами одновременных ему источников V—VI вв.

О Мурсианском озере Иордан упомянул дважды. В первом случае оно связывается с указанием западных границ Скифии и названо *stagnus* (§ 30), во втором — с определением границ распространения склавендов и названо *lacus*. С первым термином соединяется представление о как бы стоячей воде, т. е. не о потоке, а об обширном водоеме, о водной глади, в виде пруда или озера. Болото, как правило, обозначается термином *palus*. Так про склавендов Иордан сообщает, что живут они среди болот и лесов (*paludes silvasque*), но границей их является именно озеро (*lacus*)¹⁰, в ином

⁹ *Jordanis Romana et Getica*, p. 121 — 122: «. . . tamen aegre ferens Hunnorum imperio subiacere, paululum se subtrahens ab illis suaque dum nititur ostendere virtute, in Antorum fines movit procinctum, eosque dum adgreditur prima congressione superatus, deinde fortiter egit regemque eorum Boz nomine cum filiis suis et LXX primatibus in exemplum terroris adfixit, ut dediticiis metum cadavera pendentium geminarent. . . Sed dum tali libertate vix anni spatio imperasset [Vinitharius], non est passus Balamber rex Hunnorum. . . qui super Vinitharium duxit exercitum; diuque certati primo et secundo certamine Vinitharius vincit. Nec valet aliquis commemorare, quanta strage de Hunnorum Venetharius fecit exercitu. Tertio vero proelio subreptionis auxilio ad fluvium nomine Erac, dum utrique ad se venissent, Balamber sagitta missa caput Venetharii saucians interemit, neptemque eius Vadamercam sibi in coniugio copulans, iam omnem in pace Gothorum populum subactum possedit».

¹⁰ Неясно, в отчетливом ли смысле употребляет Иордан слово *lacus*. Например, о Пелсо он два раза говорит *lacus* (§ 268 и 274); то же самое о крупном озере в Италии — Тразименском — около Перуджи (*Rom.*, § 187). Конечно, Мэотида Иордан называет «болотом» — *Maecotis* или *Maecotida palus* (§ 38, 44, 117, 123, 124), но в этом он следует античной традиции. Название Мэотиды, как болота, родилось, надо думать, в результате первоначального знакомства с ее берегами, особенно восточными, где на десятки километров тянется весьма широкая полоса плавней: они-то и произ-